Надежда ЛИСОГОРСКАЯ
И сердце согревает чувство крова...

* * *
Земля распахнулась навстречу весне,
Сиреневый май на пороге.
Берёзовой нежностью танец в окне –
Посмотришь – и сложатся строки.

В ложбинках снежок затаился… Но вот
Туманные дали ожили.
Под снегом незримая сила живёт –
Зелёные травы России…

Весенняя ясень, небесная синь,
Прозрачность апрельского света…
Наш край оберегов, наш край берегинь
Так ждёт многоцветного лета!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ
А мне, знаешь,
приснились сегодня снега…
Те, что землю укрыли собой до весны.
И белее снегов облака… облака…
Там, в пути за сиянием северным, – мы.

А упряжки уже и не видно следа:
Тот возница о нас почему-то забыл…
Только рядом засветятся чьи-то глаза,
И почувствуешь: кто-то тебя подхватил.

Как в Сахаре не выжить без капли воды,
Так на севере диком – без чаши тепла.
У какой-то неведомой людям черты
За сиянием жизни любовь позвала…

Семикрылой волшебницы
радужный свет
На границе, где небо с землёю слились,
Там смешались в едино закат и рассвет,
И как будто бы заново мы родились…

* * *
Да ты, конечно, всё поймёшь:
И этот дол… И этот дождь…
И эта мокрая скамья
Тебе расскажут – за меня…

Тепло – туманом за лесок,
Веселый желтенький цветок,
Осенних паутинок сеть,
И в дождь – желание согреть…

Но мокнут травы и кусты,
Грустят старинные мосты,
И лишь мелькает белизна
Статуйно-гипсового сна…

А там, среди пустых аллей,
Как будто в радуге дождей
Всё чудится твой силуэт…
Бегу, бегу, бегу на свет…

ЗЕМНОЕ БОГАТСТВО
Совсем недавно провожали лето,
Грустили, что прощаемся с теплом.
И отгорали листьев самоцветы
В осеннем дне за городским окном.

И падал снег, стеной росли сугробы,
Не виделось конца пунктиру зим,
Но вновь апрель прокладывает тропы,
И ветер мая следует за ним.

И вот уже деревья, как атлеты –
Зелёным флагом машут на ветрах.
А взгляд мой ловит чудо первоцветов
С теплом опушки в нежных лепестках.

И листья, и цветы –
"глазастый" праздник –
Светло и чисто поглядеть на мир!
А свежий воздух и дорога дразнят,
Зовут на волю выйти из квартир.

А там поля, пролески, косогоры…
Вдохнуть всей грудью запахи земли!
И вдруг застыть, увидев, что на взгорье
Сады невестой белой расцвели…

Открылись вдруг такие горизонты!
Ну кто сказал, что наша жизнь бедна?
Когда на свете есть…
портрет Джоконды…
И каждый год приходит к нам весна…

* * *
Бабочка – в волосы, ветер – в лицо,
Августа велодорожка!
Светится озера берег-крыльцо,
Воды – чернёная ложка.

Сосен зелёных просвет золотой,
Клёнов деревья – подростки,
В глади – осенний – затишье-покой,
И загляденьем – берёзки.

Солнце серебряной рыбкой скользнёт
В озеро перед закатом.
Чуть зазеваешься – и уплывёт
С тенью вечернею рядом.

Всё замирает – травинка, цветок
В скромном своём ореоле…
Вечер прошепчет: «Укроет вас Бог, –
Озеро, дерево, поле…».

* * *
Тепло приносит бабье лето.
Прозрачна неба синева.
С прощальным ласковым приветом
Зеленая спешит трава.

Чирикнет птица, каркнет ворон –
Откликнется осенний день,
И свежестью, и грустью полон,
Встречая солнечную звень.

И обнимать пойдет берёзы –
Их белоствольную красу,
Златую нить вплетая в косы
И солнца блик ловя в лесу.

И встрепенётся на опушке
Последней бабочки крыло…
А по земле листы-полушки
Рассыплет дерева чело…

В МОРСКИХ ВОЛНАХ
Горы беспокойных волн
Понеслись, шумя!
И качается в них чёлн
В серебре огня.

Зонтик-колокол медуз
Спрятался на дне.
Заиграло море блюз
На морской струне.

Солнца блики-мотыльки
Вьются над волной.
И рождает родники
Пенистый прибой.

Сколько брызг на берегу –
Солнечный фонтан!
Но крепчает на бегу
Ветер дальних стран.

Ты, высокая вода,
Берег не топи!
Золотого лучше дня
Перстень подари!

Укачает на волне
На краю земли,
И прольётся тихий свет –
Долгий свет любви…

* * *
В безветрии танцует лёгкий снег,
Деревья наряжая к зимней сказке.
И хочется в зиме услышать смех,
И улыбнуться снежной синеглазке.

Как быстро санки катятся с горы,
Лыжня зовёт: «Вставай скорей на лыжи!».
И полон склон окрестной детворы,
И мчится вниз
бесстрашный горнолыжник.

А вечером – мерцают фонари,
Преображая зимние чертоги,
И в синий снег закутались дворы,
И выросли сугробы у дороги…

Увидишь свечи в дивном хрустале,
Ветвей застывших кружевную песню,
Костёр снегов в морозном феврале,
И голубые блёстки в поднебесье.

Теплеют окна, зажигая свет,
И сердце согревает чувство крова,
Где будет чай, и ужин, и обед,
И тёплый взгляд,
чтобы обнять родного…

* * *
Это Бог мне, наверно, тебя подарил –
Вечер ожил, и ночь не страшна.
В небо выпорхнет птицей
рассвет, белокрыл,
И куда-то уйдёт тишина.

Улыбнётся окно озорному лучу,
Разыграется ветреный май.
Я на крыльях рассвета
к тебе прилечу,
Только имя шепни невзначай.

* * *
В снежный день тепло принёс циклон,
И сугробы мокнут под дождями…
Птицы перепутали сезон –
В городе грачи зимуют с нами!

Осень ли не хочет уходить?
Иль весне велели торопиться?
Но зиме приходится белить
Заново декабрьские страницы…

Спрятан кружевной её наряд
В сундуках морозного рассвета.
А секунды в Новый год спешат,
Добавляя в ночь минутку света,

Чтобы час прибавить январю –
Рождество отметить и Крещение…
Ну а мы порадуемся дню,
Где любовь есть, вера и терпение…

* * *
Всё сплелось –
дни рожденья, утраты,
Снежный ком, потепленье, мороз.
Ждём весны, как сердечной отрады
В русском танце берёзовых кос.

Ты играй, гармонист,
и насвистывай –
Русь-лебёдушки царственна стать!
Будут ветры скандалить неистово,
Ей – душою – ветра усмирять.

А как грянет листвы плясовая,
Да умоет весенней грозой –
Снова сила земли вековая
Богатырскою встанет стеной…

ВЕСНОЙ САЖАЕМ СЕМЕНА
Весной сажаем семена…
А летом – охраняем.
И вот уж осени пора –
Свой урожай снимаем…

А сохранится ли зимой
До новых вёсен радость?
И дождь, и снег… туман и зной…
Любви бы – всем досталось…

* * *
День погожий встретим в сентябре.
Вот оно какое – бабье лето:
Вспыхнул лист, деревья в янтаре,
Серенадой солнечной согреты.

Ночь напомнит, что всему свой срок,
И шепнёт листу: "Пора прощаться!
У семи неведомых дорог
С золотыми звёздами венчаться…".

Утром я увижу за окном –
Дождь заставил солнце
в тучу скрыться…
И готовым улететь листком
У берёзки ветка серебрится…

* * *
Опричники и скоморохи.
Стальная ночь. Каленый лед.
В России жить не так уж плохо –
Не каждого сбивают влет.

Когда смежит ресницы вечер
И полночь распахнет глаза,
Взлетают стаи птичек певчих.
И голоса, и голоса!..

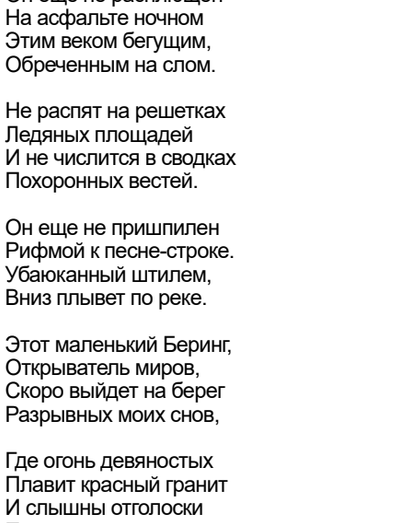
Они не прятались по схронам
В руинах рухнувшего дня.
Над душами непокоренных
Бессильна власти пятерня.

И пусть грозна ее десница,
Но в роковой священный час
С врагом Отечества сразиться
Придется каждому из нас.

Помню, я запоем прочел
«Жизнь Арсеньева».
Неужели так можно –
жить, мечтать,
Не ходить на завод,
не пить горькую?
А до Бунина
я читал «Мать»
Максима Горького.
И такая горькая мысль
Душу мою прожгла, сожгла.
Она и теперь во мне,
Как барабан револьверный,
крутится.
Возможно, вот так и произошла
Русская революция.

СНЕГИРИ
Я впервые увидел их
В тех еще, восьмидесятых,

Александр ЛОГИНОВ
Я взойду на обрыв...



Забыты старые обиды,
Коль честь и слава за спиной.
И впереди Денис Давыдов –
С гусарской саблею шальной.

А вороные и гнедые
Несут наметом нас туда,
Где песен свитки золотые
Рождает русская звезда.

* * *
Он загадан чуть дальше
Окаянных времен.
Этот маленький мальчик
Не закатан в бетон.

Он еще не расплющен
На асфальте ночном
Этим веком бегущим,
Обреченным на слом.

Не распят на решетках
Ледяных площадей
И не числится в сводках
Похоронных вестей.

Он еще не пришпилен
Рифмой к песне-строке.
Убаюканный штилем,
Вниз плывет по реке.

Этот маленький Беринг,
Открыватель миров,
Скоро выйдет на берег
Разрывных моих снов,

Где огонь девяностых
Плавит красный гранит
И слышны отголоски
Поминальных молитв,

Где, уйдя от охоты,
У последней черты,
Он меня спросит: «Кто ты?».
И отвечу я: «Ты».

…Вот и семьдесят. Грозно
Молоточек стучит.
Прибиваются звезды
На небесный мой щит.

Мы вдвоем. Остывают
Угольки костерка.
С резвой чайкой играет
Молодая река.

Все вокруг голубое,
Утро пьет тишину…
Уплываем с тобою
В глубину, в вышину.

* * *
Помню, в детстве,
как только ступлю за порог,
Золото солнышка течет по вискам.
Засмотрюсь на небо: а где ж там Бог?
Поклонюсь в пояс
ромашкам и васильком.

И по росному полю к оврагу, где
Изойду слезами
под черемухой белой-белой…
Выплачусь в одиночестве.
И при первой звезде
К дому огородами – тихий, несмелый…

Жутко мне, жутко. Уханье сов.
На крылечке мамка. Улыбается горько:
«Много ли изловил, сынок,
ночных светлячков?».
Выверну карманы,
а там гнилушки – и только.

«Завтра из дому ногой ни-ни!
И учти, на засов тебя запирать не стану.
Солнечных зайчиков
будешь ловить – они
Тебя не обманут».

По утреннему туману ушли и отец, и мать.
Вычернились цветы
и новые дали всходы.
А я все ловлю,
ловлю солнечных зайчиков…
И не могу поймать.
Зимы проходят, весны… Годы.

На вечернем крылечке,
по осколкам собрав зарю,
Как младенца ее
на груди, возле сердца, прячу.
И всю ночь напролет
в суровую даль смотрю,
Перед словом заветным
склоняя чело, плачу.

* * *
Музыка. Легкий рой пчел.
В сотах мед. Солнце осеннее…

В пору сладких речей,
Когда меченный тайным клеймом
Искуситель манил
Всех нас в рай европейского сада
И хозяину клялся
Он сердцем России – Кремлем.

Я не главный герой
Был в задуманной дьяволом драме,
И мой голос тогда
Не вплетался в восторженный хор.
Я над русской рекой,
На обрыве, продутом ветрами,
Снегирей северов
Запускал в леденящий простор.

А с московских дерев
Опадали последние листья,
Из всех пушек ударил
По Родине капитализм.
Снегири моих чувств
Не смирились,
Но в воздухе мглистом
Почернели их крылья –
Явился беспалый Борис.

Наша жизнь как пустырь
На пути между тьмою и светом.
Было тошно смотреть,
Как, пускаясь в безудержный пляс,
На поминках страны
Проповедник ножей и кастетов
Нам смеялся в лицо
И крестился на иконостас.

Как пылали они
В ту лихую и лютую зиму,
Когда я, молодой,
С непокрытой стоял головой!
Опускались снега
Беспощадно и невыносимо,
И бесславья туман
Занимался над русской землей…

И сдавило мне горло,
И сердце сковало испугом,
И ослепло – живое! –
И кануло в белую мглу…
А когда развиднелось
И сгинули бесовы слуги,
То остались лежать
Снегири на кровавом снегу.

И расплавили снег,
И ушли на такие глубины,
Где живой нет воды,
Только мертвая,
мертвых мертвей…
Я люблю эту жизнь,
Ее грозы и ливни лавиной!
Только вот не хватает
Мне нынче моих снегирей.

Я в совиные ночи
Ищу их в глубоких оврагах,
В самоцветной горе
Проход пробиваю кайлом,
В сталактитовых недрах
Блуждаю без пищи и влаги.
И все мнится, вот-вот
Промахнут они алым крылом.

И, конечно, на Русь
Полетят заревыми полками,
И реку моей юности
Грозный взорвет ледоход.
Я взойду на обрыв
И вдохну их морозное пламя,
Снегирей отправляя
В могучий свободный полет.
2012

РУССКИЙ ИСХОД
«Россия вспрянет ото сна…» –
Сбылось. И грянул залп «Авроры»!
И содрогнулись небеса,
Леса и горы.

На всех шести материках
Труба победная запела.
И солнце плавилось в руках,
И кровь кипела.

В бурлящий дней водоворот
С рассветом пепельно-багровым
Вонзился «Ледяной поход» –
Исход суровый.

Мы истоптали сапоги.
Ах, как тогда мы были лихи!
Но время отдавать долги
Подкралось тихо.

Как уголья в слепой золе,
От Аргентины до Харбина
Нас разметало по земле –
Везде чужбина.

Дух страждущий блуждал впотьмах
И голос Родины державной –
В неумирающих стихах
Поэтов славных.

Но источали серебро
Крест, осеняющий дорогу,
И шепот матери:
«Всего у Бога много».

Без вас неполны Дом и Храм.
Отчизна ждет сестёр и братьев.
Не верьте лживым языкам:
«На всех не хватит…».

Встречай сынов, святая Русь!
Уже встаёт во мгле родимой
Маринин придорожный куст –
Неопалимый.

По зову кровного родства
Духовную исполни требу!
…Рассвет. Последняя верста.
Заря в полнеба.

1
думает, дикий, из камня и глины он,
а вглядеться в дома и арки –
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой

2
война, брат, война…
на небесной таможне –
аншлаги!
прогоркла земля…
и даже ромашки
цветут осторожней
на минных полях…

3
к последнему звонку
хороший день, до одури простой:
цветёт сирень, слеза судьбу не точит,
и греются ежи у блокпостов,
и школьный сторож драит колокольчик…
над городом, распаханном в боях,
врастают души в голубиность рая,
и бродит ветер с запахом дождя
дворами мая…

4
затишье… в оцепленении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
везде: в дому, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты
и тишина становится иконной

* * *
Город без имени – в мареве дачном.
В городе – дом. В дому –
окна с решётками, столик невзрачный,
с письмами к никому.
На терпеливо-ленивой бумаге –
болиголовы слов:
тропы степные, курганы, овраги,
реки без рукавов…
Мальчик с отцовским биноклем на шее –
бронзов, светловолос –
машет и машет бумажному змею.
Горькое чудо слёз.
Длинная нота оборванной нити,
слышная лишь ему…
Ветреный вечер – и свитер забытый,
ветхая даль и – в дому
алые маки усеяли стены…
Сколько в них ни кружи,
быт омрачит ощущенье подмены,
правдоподобной лжи
в кресле, под лампой,
в ещё один вечер.
Мошки
на свет летят…
Дни, как матрёшки.
И в каждый – всё меньше –
втискиваешь себя.

* * *
Мне мало надо!
В.Хлебников
День случился тихим и нежарким.
Небо – в белотканых облаках.
На степной ковер июльский, яркий
опускался вечер, и легка
показалась жизни перспектива:
август будет щедр на звездопад,
от упавших звезд займутся ивы
и, как мы с тобою, отгорят.
А потом бездымные пожары
выполощет стужа добела,
и снегов взошедшую опару
март с дождем замесит пополам…
И когда впадут в истоки устья,
и мгновенья сложатся в века,
в нас уже не будет прежней грусти –
только небо,
только облака.

Александр САВЕНКОВ
В подтверждение таинства

Из цикла «Стихи о военной Горловке»

ЖЕРТВА
У сорванных цветов дыханье чище,
чем у растущих на стеблях обвислых:
так пахнет дождь
над свежим пепелищем –
стихиею, наполненною смыслом.
У сорванных цветов понятней жесты –
у них уже нет времени лукавить:
стоят, как неизбежного невесты,
и отказаться от него не вправе.
У сорванных цветов уже нет шанса,
как есть у нас с тобой – начать сначала:
и вянут лепестков протуберанцы
и опадают на паласы в залах.
У сорванных цветов прозренья тоньше:
так проникают в суть,
не вскрыв конверта,
так постигают – путь земной окончен,
так умирают с верою в бессмертье.
Их голоса молчанье не нарушат,
и по спиралям восходящей боли
их маленькие праведные души
уносятся в мир белых колоколен.

* * *
Странный печальный мальчик
чашку с горячим чаем
к сердцу прижал и плачет,
ближних не замечая.
Тихая соль каплет прямо на цыпки,
маленькому предтече
слышно: на улицах города скрипки
голос вочеловечен.
И в подтверждение таинства первым
цветом взошли фиалки
прежде, чем майское солнце,
как дервиш,
скрылось в Железной Балке.
Сколько ему? По глазам – уже тридцать.
Страшно подумать,
что, может быть, сорок.
Время крадет наши детские лица,
но нет – и не будет – вора,
чтобы из сердца любовь пуповинную…
Две вещи воспринял он, как мужчина:
то, что бывают холодными ночи
и длинными,
и то, что сегодня ее годовщина.
Странный печальный мальчик
чашку с горячим чаем
к сердцу прижал и плачет:
«Чаю воскресения, чаю…».

ТРОИЦКАЯ ПОМИНАЛЬНАЯ СУББОТА
звони, звонарь, весь век со мною
чужие сердцу берега
и небо майское больное
готово обронить снега…
по ним, по ним, ещё не падшим,
на край, за край, сквозь чёрный лес
к холму, где мне руками машет
родительский могильный крест…
под ним, под ним, теряя слоги
в словах нелепых, как судьба,
живые притчи о дороге
читать по солнечным губам.

СКВОЗЬ РЯДЫ ВЕЧЕРНЕГО КОНВОЯ
Брату
Падал снег…
На тёмный сад строений,
сквозь ряды вечернего конвоя
падал, не отбрасывая тени,
высотой отвесной – на земное,
падал так безропотно, безмолвно,
так по-детски смешиваясь с грязью…
Падал снег…
И наползала полночь
на идущих уличною вязью,
на осин последние наряды
у оси застёгнутых подъездов,
на огни гирлянд, фасады, взгляды,
тихо оседающие в бездны…
Падал снег…
На города и веси
как безумство – спрашивать у пыли:
и о чём молчат слова их песен,
и как много в сказках чёрной были,
над которой плавниками Млечный
в темноте, не помнящей запретов,
их сердец перебирает речи
как осколки тающего света…
Падал снег…
Бездомно, безымянно,
падшему понятный с полуслова,
падал, как единственная данность
дня сего от Рождества Христова…

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ
Апрель истачивал снега…
С землей, налипшей на подошвы,
хотелось броситься к ногам
цветущих верб,
грошовым прошлым
вплотную стоя к сорока…
А день струился, чист и значим,
и небо в редких облаках
лакал из лужи пес бродячий.

* * *
В подстаканнике – крепкий сон,
на стекле – чешуйка луны,
два дыхания в унисон:
виновато и – без вины.
Ночь, как ночь: голова да хвост –
поезд сонной ползет змеёй,
да часовенка, да погост,
разделённые колеёй.

АВГУСТ В КРЫМУ
С виноградной лозы
опускаются гроздья тумана,
начинается день
незатейливым танцем песка;
дети солнечных снов
просыпаются тихо и рано,
дети тёмных надежд
спят, печаль отведя от виска.

На последнем витке
оборвалась совиная песня,
затаилась в листве,
сумрак цепко сжимая в когтях;
в незнакомую жизнь,
как в любимую книгу, отвесно
загляни и листай
пересказов солёный костяк.

Весь посёлок пропах
шашлыком, разнотравьем и морем,
по двору ходит птица
с подрезанным белым крылом;
ты налей ей воды,
я насыплю гранатовых зёрен:
ей недолго ходить
меж добром и содеянным злом.

Да и нам не с руки
наряжаться в одежды бессмертных,
встретим вечер в беседке
из дикого камня, игру
чёрно-белых фигур
освежая тягучим десертным,
и отложим опять,
и оставим стоять на ветру…

ТРОПАМИ ЗНАКОВ
Меркнут знаки зодиака…
Н.Заболоцкий
В столпотворенье знаков
через пробелы в днях
сердце бежит собакой
чуть впереди меня.

Рвутся дворы на митинг
в брошенные сады,
рвутся наитий нити –
рядом лишь поводырь.

Дремлет похмельно дворник,
не закрывая глаз,
и дождевые корни цедят по капле нас.

Улицы топчем, степь ли,
между добром и злом
нас дождевые стебли стягивают узлом

в томик стихов и притчей,
но и таких, без доль,
мокрые стаи птичьи перелистают вдоль

и поперёк:
ковыльим судьбам недолог срок
сталь дождевою пылью
и оседать меж строк

в столпотворенье знаков
через пробелы в днях
там, где бежит собакой
чуть впереди меня
сердце…